

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РОЛЬ ИСТОРИКО-СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В РЯДУ СРЕДСТВ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследуются методологические проблемы самоорганизации психологии в контексте становления гуманитарной парадигмы и неклассического типа рациональности. Показано, что история психологического познания есть не столько восстановление статической системы целей и парадигмальных значений категорий, сколько опыт деконструкции, специфический алгоритм его целостного видения с выявлением имплицитных ценностно-смысловых измерений постижения человека. Через понятия хронотопа и аттрактора обосновано транспективное видение состояния современной психологии.

Ключевые слова: антропологизация; онтологизация; транспектива; тенденция; хронотоп; деконструкция; реконструкция; актуальная предметность; аттрактор.

Традиционно научное становление психологии изучается в модификациях исторических подходов – от описания временной стрелы её гнозиса (хронологический) до категориального (М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский), историко-эволюционного (А.Г. Асмолов) и историко-системного (В.Е. Ключко). Но если исследования в логике хронологического ряда утрачивают возможность критической рефлексии самого процесса познания, то в исторических подходах методологический акцент смещается с линейной каузальной детерминации «системно простой» кумуляции знания на нелинейный процесс его системной детерминации и самоорганизации. Уже Л.С. Выготский, «неклассично» сопрягая идеи развития и историзма, считал «психотехнику» способом объединения психологии, которая усложняет её предмет обращением к онтологии, к системно детерминированному культурно-символическому процессу становления человеческого в человеке. Общая психология, «получающая материал из ряда частных наук и производящая дальнейшую обработку и обобщение материала, невозможные внутри каждой отдельной дисциплины», по мнению Л.С. Выготского, предопределяла бы пути создания единой науки, в которой психические явления диалектически берутся «во всей их конкретной сложности, во всех конкретных связях, во всей целостности тех процессов, часть которых они составляют» [1. С. 319].

Методологическая идея историзма, превращая процесс психологического познания в самостоятельный предмет теоретико-психологической рефлексии, требует концептуальных средств историко-психологического анализа логики его приращения. И хотя такие подходы, как парадигмальный (Т. Кун), историко-категориальный (М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский), историко-эволюционный (А.Г. Асмолов) не создавались для историко-психологического анализа, они, однако, опосредованно выявляли внутренние тенденции развития науки трансформациями её категориального строя, в которых системная динамика соотношения категорий меняла их смысловое наполнение. Дискурс самоорганизации, возникший в неклассическом научном мышлении как реакция на несоразмерность абстрактного субъекта классики бытию конкретного человека, своей историчностью и процессуальностью преодолевает устойчивость и временную субординацию «обобщённых образцов» (В.С. Стёпин) классической парадигмы. Более 70 лет назад Л.С. Выготский предвосхитил этот дискурс, предложив методологию объединения психологии через объективацию тенденции её

развития, которая в контексте самоорганизации знания выступает как системообразующий фактор: «Имея конец пути, можно легче всего понять и весь путь в целом, и смысл отдельных этапов» [1. С. 294]. Поэтому историческое прошлое психологии в системном контексте – это уже не столько восстановление статической системы целей и парадигмальных значений категорий, сколько специфический алгоритм целостного видения процесса психологического познания с выявлением имплицитных ценностно-смысловых измерений постижения человека.

В наиболее известной модели методологии сегодня выделяются четыре уровня исследования знания: философский, общенаучный, конкретно-научный и методикотехнический. Методологический переход от «гносеологизированных», «одномерных», «моносистемных» теорий к системно детерминированным, «постнеклассическим» концепциям Человека становится «онтологическим» обращением к ценностно-смысловым измерениям его душевности и духовности. «Очеловечивание» (антропологизации, онтологизации, гуманизации и гуманитаризации) психологического знания, в котором ценности и смыслы Человека как «единства более высокого порядка» [2. С. 7] не только усложняют предметное поле психологии и увеличивают его информационную ёмкость, но и приближают Человека к его метафизической целостности. Поэтому именно философский уровень анализа картин предметной реальности в исторически неизбежной смене гносеологических редукций выявляет объективированную тенденцию научного становления психологии в процессе её самоорганизации или «аутопозиса» (У. Матурана, Ф. Варела).

Историко-системный подход, разработанный В.Е. Ключко, продолжает традиции историко-категориального и историко-эволюционного подходов, но отличается от традиционного «кумулятивно-линейного» понимания истории акцентом на специфике изменений предметных представлений о психическом, где структурность выступает дифференциальной характеристикой, а историчность – процессуальной, и в определённой мере «надпарадигмален» [3]. Такой отказ от понимания «парадигмальных образцов» психического как независимых субстанциональных элементов исторической структуры знания уже делает невозможным использование «ставшего» знания «плотных» категорий (В.Е. Ключко) для изучения открытых динамических психологических систем.

Обращение к культурно-социальной обусловленности психологического знания (историзм), ассимили-

рующее основные эпистемы новой рациональности – нелинейность, открытость, принципиальную неполноту и неопределённость, превращает саму историю психологии в эмпирическую базу методологии. «Неклассическое» понимание развития как становления, как результата взаимодействия (П.К. Анохин) прошлого, настоящего и будущего, опирается не столько на хронологию линейной последовательности событий, сколько на целенаправленное сопоставление системных парадигмальных эпистем исторически легитимных видов рациональности, фундирующих психологическое познание. Поэтому в историко-системном контексте проблема интеграции «аспектных знаний» как проблема предметного самоопределения психологии обращена не просто к компаративистскому анализу различных методологических дискурсов (метаметодологии), но сама уже есть «возможность реализации системного подхода в психологии, которая связана с выявлением внутренних тенденций развития науки как постоянного движения её по линии реализации всё более высоких по уровню типологических форм системного подхода» [3. С. 75].

Историко-системный подход обнаруживает тенденцию (закономерность) развития психологического знания ретроспективной реконструкцией самого способа «мыслить факты», т.е. понимать те артефакты человеческого бытия, которые, не укладываясь в категории традиционного эмпирического описания, допускают множество противоречивых интерпретаций. «Тенденция для всякого воззрения есть задача, а не данное; сознавать задачу ещё не значит уметь решить её», – отмечал Л.С. Выготский [1. С. 393]. Опыт деконструкции и исторической реконструкции содержащихся в психологическом познании принципов системности и детерминизма, которые в антропологическом контексте основаны на понятиях «познающий», «знание» и «познаваемое», показывает, что особенно заметно меняется именно знание. Уже Кант, а особенно Фихте, установили зависимость содержания знания от качеств мыслящего «Я», от «бытия мыслящего» (М.К. Мамардашвили). Знание, например, понимается Г.П. Щедровицким в «рамке» развития – как сопряжение «плана естественных процессов, плана ценностей и плана активности», которые, будучи изначально недифференцированными в классической науке, рассматриваются им в процессе взаимовлияния [4]. И сегодня интенциональные ценностно-смысловые измерения процесса сопряжения этих планов становятся тем системообразующим – «предметообразующим» фактором психологического познания, которые онтологизируют его обращением не только к Человеку как объекту и предмету исследования, но и к личностным смыслам психолога, к «метасистемности его профессионального мышления» (В.Е. Ключко).

«Транспективное» видение истории науки или человека как способ операционализации, «технологизации» историко-системного исследования, предлагаемое В.Е. Ключко [3], позволяет интерпретировать научный опыт прошлого в современном типе рациональности, обнаруживая и удерживая в трансформациях предмета психологии не столько временной контекст, сколько предметный. Исторический «эффект» транспективной

реконструкции теоретического знания психологии только обращением к своему предметному основанию – Человеку, а уже через него – ко времени и истории, объективирует тенденцию предметного «преображения» Человека в «восстановлении невидимого скелета» науки о нём [5. С. 416]. В транспективе сам предмет задаётся «как множество содержательных решений, связывающих различные точки общего пространства» [6. С. 114–115], что образует хронотоп психологического знания. При таком, вроде бы, пространственном характере объяснения, в предмете (дисциплинарной онтологии) воедино увязываются историческое время и методологическое пространство, которым для науки «является культура, но только постнеклассицизм откроет глубину культурно-исторической психологии» [3. С. 171].

Таким образом, историко-системный контекст транспективного видения процесса научного становления психологии позволяет обнаружить: во-первых, изменения самого предмета (хронологический подход рассматривает изменения содержания предмета как его линейную эволюцию по «стреле времени»: от психики, поведения к сознанию и, наконец, к психологической реальности человека – объективный историзм) и, во-вторых, предмет самого изменения, где именно различие становится источником предметного самоусложнения и самоорганизации психологии, определяя онтогенетический структурный дрейф в её предметном поле. Различия теорий, порождающие методологическое и дискурсивно-нарративное напряжение интересубъективного коммуникативного пространства психологии, допускают транспективное видение исторической проекции категориальных и предметных представлений о сложности «целого» человека. В транспективе последующие фазы как бы «схватывают» предыдущие, раскрывая и углубляя их суть, чем снимают заложенные в них противоречия (гегелевский «принцип снятия»). В.Е. Ключко подчёркивает, что будущее «не только проявляет транспективу, но и создается в ней» [3. С. 34]. Тогда именно предметное «напряжение» психологии становится фактором её системного усложнения, выявляющим тенденцию её научного становления: «Реальная проблема состоит в том, чтобы множественность приложилась к тому, что едино», – писал М.К. Мамардашвили [7. С. 147].

Идея целостности Человека, фундирующая системные представления о нём, предполагает анализ её воплощений в способах концептуализации онтической реальности его бытия (онтологической референции метафизической целостности Человека). Концепт сети, формируясь в философии постпозитивизма, отличается от позитивистской, построенной на твёрдых основаниях, «стандартной» концепции структуры и роста знания, в которой единицей анализа выступала отдельно взятая теория, и ее взаимоотношение с опытом. Ф. Капра пишет, что в «сетевой» методологии «вся система представляет собой сеть отношений без каких-либо твёрдых оснований, описание нашего предмета может начаться во множестве различных мест. Здесь нет ясной начальной точки» [8. С. 59]. По Капра «идея связанности» знания становится «путеводной нитью», поэтому «любая возможность возрастания связанности указывает на имеющуюся где-то неполноту» [Там же]. В многомер-

ном топологическом пространстве современной психологии измерениями выступают онтологические допущения, в которых феномены интенционально схвачены смыслами исследователя, способами его «активной концептуализации» [9. С. 174]. Б.С. Братусь отмечает постепенный поворот психологии «если не к душе в ее полном понимании, то, по крайней мере, к душевности, к душевным проявлениям человека» [10. С. 3]. Именно вопросы о сущности человека, о смысле и назначении его жизни определяют современное обращение психологии к гуманитарной парадигме с полисемизмом и содержательной неоднозначностью её категорий.

М.Г. Ярошевский еще в 1960-х гг. начал исследования в области психологии науки [11. С. 72–75]. Комплексное изучение творчества ученого строилось на ключевой идее идеогенеза, суть которого в «снятии» в интеллектуальном онтогенезе ученого филогенеза научной мысли. Отражая историю изменений научного психологического мышления, эта «системная» идея не просто «снимает» противопоставление субъектно-объектных оппозиций, но и создаёт пространство их взаимодействия, которое становится таковым только в случае априорного осознания исследователем дихотомий (субстанциональных, в частности) как конструктов более низкого уровня системности. «Становящееся» в дискурсивных отношениях и практиках психологическое знание требует не столько ответа на вопрос «Каков предмет психологии?», сколько осмысления его неразрешимости («Каковы основания неразрешимости вопроса о предмете психологии?»). Неоднозначность проблемы предмета психологии, содержащей как проблему его определения, так и проблему его единства, обращается к двум видам проблематизации – реконструктивной (постановка и «удержание» проблемы) и конструктивной (осмысление вариантов выхода из проблемы). Опора на принцип историзма в неклассическом идеале рациональности постулирует открытость психологического знания: «Наука в своём собственном сознании стала “открытой системой”, выработала собственные, имманентные ей механизмы такого непрерывного “самораскрытия”, и главная роль отводится “процессу релятивизации” её базовых понятий», – отмечает Г. Башляр [9. С. 19]. Причём именно «субъективная исследовательская подвижность» и «отношения» понятий, наполняя научный дискурс новыми категориальными смыслами, обнаруживают «эпистемологический вектор», который «ведёт от рационального к реальному» [9. С. 30].

Эпистемологические возможности транспективно-го видения, эксплицирующего сетевую методологию, обращены к «метасистемности профессионального мышления», психолога, к дискурсу не столько объяснения, сколько понимания-постижения смысла феномена в системной динамике его связей. Д.А. Леонтьев «контекстуальность и интенциональность» рассматривает «как два основополагающих атрибута смысла, инвариантных по отношению к конкретным его пониманиям, определениям и концепциям» [12. С. 26]. По К. Уилберу же «секрет контекстуального мышления состоит в том, что целое раскрывает новые смыслы, недоступные частям, и таким образом большие картины, которые мы строим, будут придавать новый смысл составляющим их частям» [13. С. 6–7]. В контексте

«метасистемности профессионального мышления психолога» такая транспективная объективация способов «мыслить» Человека становится метафизической деконструкцией генезиса научной психологии, которая на каждом этапе обогащает её историю личностными смыслами исследователей, но, в отличие от классической исторической реконструкции, всегда информационно открыта и не завершена.

Сегодня в психологии особое положение занимают теории многомерности человека. Приходящие на смену «системно простым» – структурным, системно-уровневым и системно-функциональным, в которых субъектно-объектные оппозиции и жёсткий детерминизм каузальных связей обусловили «гносеологизированное» представлений о Человеке, эти многомерные модели изначально проектируются на «единствах третьего порядка» [2. С. 7]. Обращение психологии к ценностно-смысловым, духовным и душевным измерениям, которые выступают такими «единствами», вновь открывая трансцендентальность человеческой субъективности, «антропологизирует» проблему её предметного самоопределения. В то время как исторически фундирующая психологию классическая эпистемология, основанная на метафизике «эссенциально-субстанциональных» представлений о сущности Человека, отказывалась от созидающего потенциала неопределённости, неклассика же в непрерывных трансформациях её предмета усматривает процесс становления актуальной предметности.

Транспективный анализ, актуализируя настоящее в прошлом, обнаруживает внутреннюю тенденцию становления психологии выявлением смысла её предметных трансформаций. Процесс системного единства прошлого, настоящего и будущего описывается в синергетике через понятие аттрактор (формализация понятия «стремление», т.е. изменения, стремящиеся к асимптотике, которая и есть тенденция их развития). Современный контекст самоорганизации знания обусловлен его активным порождением, созиданием в процессе профессионального исследовательского опыта познающего субъекта. Метафизический дрейф к онтической реальности опыта, «разрешивший» интенциональное конструирование, проектирование различных онтологий, сегодня не столько нормативно, сколько дискурсивно задаёт предметное поле психологии и проявляется, в частности, переходом от парадигмальной методологии к нарративной – «наррадигме» (В.А. Шкуратов). А процесс её становления рассматривается не под углом линейного развития и кумулятивного накопления знания, а «метасистемно» – как процесс и результат взаимодействия опыта и бытия учёного. Личностные смыслы и ценности психолога, включаясь не только в парадигмальные, но и в интересубъективные и трансдисциплинарные контексты, «иррационально» объединяют разнородные теории в их метафизической устремлённости к целостности Человека, тем самым обнаруживая внутреннюю тенденцию его самоустройства.

И если в традициях классической эпистемологии потенциальная неопределённость и актуальная неопределённость предмета психологии считались её научной несостоятельностью («допарадигмальностью» или «внепарадигмальностью» по Т. Куну), то в историко-

системном подходе предмет психологии выступает как методологический инвариант её научного становления. А его неопределённость является необходимым условием системного усложнения и самоорганизации психологического знания, системно проявляющим исторически особые уровни психологического гнозиса в обращении к Человеку.

Таким образом, историко-системный подход может выступать в качестве средства методологического анализа процесса собственного научного становления и саморефлексии психологии, а его методологические возможности обусловлены, прежде всего, обращением к философскому уровню методологии, что позволяет обнаружить в процессе психологического познания:

- системные связи между теориями различной степени общности в их отношении к эмпирическим знаниям (фактуальность или то, какой психологический феномен становится научным фактом);

- междисциплинарные взаимодействия (полидисциплинарность и трансдисциплинарность), основанные на «сетевой» методологии постнеклассики и выявляющие тенденцию научного становления психологии;

- ценностно-смысловую, интенциональную или «ценностнорациональную» (В.С. Стёпин) обусловленность научного тезауруса как «личностного знания» (М. Полани);

- онтологические, антропологические (метафизические) основания методологического сдвига, осознание которых выступает показателем уровня «метасистемности профессионального мышления психолога» [3. С. 14–15]. (Причём, вслед за У. Матураной и Ф. Варелой, «метасистемность профессионального мышления психолога» можно рассматривать в контексте истории структурных сопряжений базовых понятий психологических школ и теорий [2]);

- в трансперспективе трансформации предмета системно обусловлены не столько изменениями гносеологического обоснования парадигмальных образцов, сколько историко-культурным контекстом «бытия мыслящего» (М.К. Мамардашвили). Тогда в качестве единиц трансперспективного или «тенденционального анализа» (В.Е. Ключко) выступают такие системные характеристики, которые «детерминируют будущим» процесс трансформации знания [3]. В этом случае тщательный анализ структуры и функций отдельных сторон психики субъекта (ощущений, состояний и т.п.) оказывается для психолога не основной задачей, направляя его интерес к постижению целостных феноменов человеческого бытия. «Именно этот особый акт того, как мы познаём, традиционно ускользает от внимания нашей западной культуры», – отмечают У. Матурана и Ф. Варела [2. С. 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 1982. Т. 1.
2. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 223 с.
3. *Ключко В.Е.* Саморегуляция в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансперспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с.
4. *Щедровицкий Г.П.* Процессы и структуры в мышлении. Курс лекций. Из архива Г.П. Щедровицкого. М.: Путь, 2003. Т. 6.
5. *Зинченко В.П.* Загадка творческого понимания (К столетию Д.Б. Эльконина) // Антропологические матрицы XX века. Л.С. Выготский – П.А. Флоренский. Несостоявшийся диалог. – Приглашение к диалогу / Сост. А.А. Андрияшкова, О.И. Глазунова, Ю.В. Громыко, А.И. Олексенко. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 664 с.
6. *Бикбов А.* Пространственная схема аналитики Фуко: социальное объяснение как инструмент разрыва с горизонтом обыденной очевидности. // Фуко и Россия: Сб. ст. / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский ун-т в СПб.; Летний сад, 2001. С. 111–138.
7. *Мамардашвили М.К.* Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. 832 с.
8. *Капра Ф.* Уроки мудрости / Пер. с англ. В.И. Аршинова, М.П. Папуша, В.В. Самойлова. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1996. 318 с.
9. *Баиляр Г.* Новый рационализм / Пер. с фр.; Предисл. А.Ф. Зотова. М.: Прогресс, 1987. 376 с.
10. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.
11. *Ярошевский М.Г., Петровский А.В.* Теоретическая психология. М.: Академия, 2001. 496 с.
12. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
13. *Уилбер К.* Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / Пер. с англ.; Под ред. А. Киселева. М.: АСТ, 2004. 412 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 10 февраля 2011 г.